

2

1999

Николай Коршиков

А. С. ПУШКИН НА ДОНУ

1820 год

В 1820 году А. Пушкин никак не предполагал, что он побывает на юге, а тем более на берегах тихого Дона. Поэту за «наводнение России возмутительными стихами» была уготована Сибирь, однако своевременное заступничество почитателей его таланта изменило судьбу. Было решено несылать А. Пушкина в Сибирь, а дать «отпуск» и направить его «по делам службы к Главному попечителю колонистов Южного края России» ген.-лейтенанту И. Н. Инзову. 5 мая 1820 года чиновник Государственной Коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин «для свободного проезда» получил паспорт, подписанный управляющим Коллегии иностранных дел графом К. В. Несельроде, «командировочные» и на другой день в сопровождении своего дядьки Никиты Козлова отбыл на юг, в Екатеринослав. По пути к месту командировки поэт побывал в Киеве, где встречался с Раевскими.

26 мая 1820 года в Екатеринослав прибыл генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский, который с сыном — гусарским ротмистром Николаем и младшими дочерьми Марией и Софьей ехали в Крым, где их ожидали жена генерала Софья Алексеевна и старшие дочери Екатерина и Елена. На пути в Крым Раевские намеревались для лечения на длительное время остановиться на Кавказских минеральных водах, где их в Константиновской крепости (с 1830 г. — Пятигорск) ожидал старший сын генерала полковник Александр Николаевич. С Раевскими ехали доктор Е. П. Рудыковский, гувернантка, «компаньонка» и много другого народа.

В Екатеринославе Н. Раевский с разрешения И. Инзова «охотно взял с собою» больную лихорадкой А. Пушкина (позже поэт писал брату, что он «лег в коляску больной»), и утром 28 мая кортеж Раевских отправился по Мариупольскому почтовому тракту. Впереди Мариуполь, Таганрог, Ростов, Аксай, Новочеркасские и другие казачьи станицы. В то время на Дону трудно было найти казака, которому не известно было бы имя прославленного генерала. В конце 1788 года знаменитый родственник Н. Раевского князь Г. А. Потемкин предписал походному атаману Василию Орлову «употребить его на службу сперва рядовым казаком, а потом — по чину поручика гвардии». С этого времени наставниками молодого Н. Раевского являлись самые прославленные донские вой-

ны: А. К. Денисов, В. П. Орлов и М. И. Платов. С казаками он штурмовал Измаил и насмерть стоял на поле Бородина. На Дону генерал Николай Раевский был желанным гостем.

На протяжении своего путешествия генерал вел путевой дневник, или, как он сам говорил, «писал род журнала», адресованного своей дочери Катеньке. Этот бесценный для пушкинистов «род журнала» дает нам возможность проследовать за Раевскими и их знаменитым спутником. 29 мая 1820 года экипажи Раевских прибыли в Мариуполь (город находился в ведении таганрогского градоначальника), основанный греками при впадении р. Кальмиус в Азовское море. В этот же день путешественники паромом переправились через Кальмиус и сразу же оказались на земле донских казаков. Почтовый тракт до города Таганрога пролегал «по удобному грунту земли», через вершину балки Омельковой и балку Широкою, на которой в то время располагалась почта Широкая, или Широкинская, в 17 верстах от Мариуполя. «На первой почте за Мариуполем, — писал затем генерал, — встретили мы жену Гаевского, которая дожидалась меня трое суток и отправилась; ей не дали лошадей, для меня приготовленных. Она зато приготовила нам завтрак, мы поели; я написал с нею вам письма — и поехали».

Елена Гаевская являлась женой управляющего Феодосийской складочной таможни П. В. Гаевского, чин которого явно был далек от генеральского. Николай Раевский имел чин генерала от кавалерии, что соответствовало 2-му классу петровской табели о рангах. В соответствии с чином путешествующий генерал имел право минимум на 5 троек. Такого количества лошадей на Мариупольском направлении на донских почтах одновременно никогда не имелось. По этой причине путешествующие с высокими чинами заранее оповещали почтовое начальство о времени своего проезда по тракту. О путешествии Н. Раевского по Мариупольскому тракту заранее уведомили все почты, и специально для него было приготовлено соответствующее количество троек.

Съев завтрак, приготовленный Еленой Гаевской, Н. Раевский написал «с нею письма» дочерям, и все отправились в путь; проехав 10 верст, экипажи пересекли балку Безымянную. Спустя много лет на это место была перенесена Широкинская почта, после чего назвали ее Безымянной. Затем ее внесли в «Российский почтовый дорожник», и, естественно, она стала «первой почтой за Мариуполем». На этом основании некоторые пушкинисты ошибочно полагали, что эта почта являлась первой и в 1820 году.

И еще об одной возможной ошибке, связанной с «шалостями» Маши Раевской в водах Азовского моря. Сама Мария Николаевна позже этот эпизод описала так: «Я помню, как во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Увидев море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя из кареты, бросилась к морю, любоваться им. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала, для забавы, бегать за волной и вновь убежать от нее, когда она меня настигала; под конец у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась в карету. Пушкин нашел эту картину такой красивой, что воспел ее в прелестных стихах, поэтизируя детскую шалость...».

Пушкинисты и донские краеведы неоднократно предпринимали попытки сделать привязку к конкретной местности, где поэт наблюдал, как 15-летняя Маша Раевская бегала за волной. При этом все они без всяких обоснований указывали на иные места, чем предшественники, где мог происходить этот эпизод. Полагаю, что все они так и не смогли достоверно указать на это место. По самой «Подробной карте Земли войска Донского... сочиненной из брульонов съемки, произведенной в 1819, 1820 и 1821 годах», отчетливо видно, что почтовый тракт пролегал на значительном расстоянии от моря, и поэтому слова М. Раевской «недалеко от Таганрога» не следует воспринимать в буквальном смысле. Юная Маша Раевская «бегала за волной», вероятнее всего, в районе Мариуполя. Этот город, если исходить из того расстояния, которое пришлось преодолеть всем Раевским и Пушкину, то он действительно находился недалеко от Таганрога. При первой встрече с морем оно произвело впечатление не только на Марию, но и на ее отца. В своем «журнале» по поводу виденного генерал сделал такую запись: «Близ Мариуполя открыли глаза наши Азовское море». Замечание это генерал сделал по живым следам, а Маша вспоминала этот эпизод спустя много лет, когда многое уже изгладилось из ее памяти.

Мария Николаевна полагает, что изложенный ею эпизод встречи с морем послужил А. Пушкину поводом для написания знаменитой строфы «Евгения Онегина (Гл. I, п. XXXII): «Я помню море пред грозою...». Известный пушкинист Л. Гроссман утверждает, что «мемуаристка ошиблась», потому что эта «строфа относилась к иной встрече — уже на берегу Черного моря». (Гроссман Л. Пушкин. М.: «Молодая гвардия», 1960. С. 165). К этому следует дополнить, что в то время на Дону было не до шалостей. Именно 27 мая — 2 июня 1820 года в миусском начальстве земли донских казаков и в Ростовском уезде (в него входили и города Таганрог, Мариуполь и Ростов-на-Дону) Екатеринославской губернии, по землям которого двигался кортеж Раевских, вооруженная борьба крестьян за волю достигла своего апогея. Тогда бунтовали крестьяне многих донских и екатеринославских помещиков, с которыми был знаком старший Раевский. Например, крестьяне вдовы войскового атамана генерал-майорши Е. Д. Орловой, урожденной Иловайской, бунтовали на Салу еще с 1818 года, а родного брата покойного атамана генерал-майора А. П. Орлова миусские крестьяне принесли присягу на неповиновение помещику и потребовали воли 27 мая 1820 года. Бунтовал весь Миусский округ. С воззваниями к крестьянам «остановить буйное своеволие» обратились генерал-адъютант А. И. Чернышев, херсонский военный губернатор генерал от инфантерии граф А. Ф. Ланжерон и таганрогский градоначальник П. А. Папков, но тщетно. Для их усмирения пришлось направить не только армейский пехотный полк и казачьи полки, но и 2 эскадрона лейб-гвардии Казачьего полка, Атаманский полк и 6 орудий Донской конной артиллерии. Достоверных сведений не выявлено, но вероятнее всего, что в этой обстановке атаман А. Денисов или же длительное время пребывавший на Дону генерал-адъютант А. Чернышев для сопровождения «ватаги» Н. Раевского направляли вооруженную команду казаков.

Мы видели, что после завтрака в компании Е. Раевской на Широкинской почте Раевские продолжили свое путешествие. К утру

следующего дня они добрались до Коровьebroдской почты. За этой почтой следовала Самбекская (Самбетцкая), недалеко от которой, как полагают М. Цявловский, Б. Г. Кокошко и другие, Маша Раевская резвилась на морском берегу. Однако Раевский и его спутники в то утро не доехали до этой почты, так как табор на колесах на Коровьebroдской почте свернул вправо с Мариупольского тракта и вскоре оказался в Таганроге. Генерал решил известить П. Папкова, а заодно и дать отдохнуть своим спутникам и больному поэту после длительного и утомительного путешествия. Дом градоначальника, где были размещены все его гости, находился на Греческой улице. Дом этот прежде принадлежал сотнику Николаенко, но в 1814 году за долги был продан с торгов. Приобрел его П. Папков за 14850 рублей, а после капитального ремонта и соответствующих переделок в 1816 году продал его правительству за 52 тыс. рублей и продолжал в нем жить, теперь уже не как домовладелец, а как градоначальник.

Дом Папкова, как до сих пор его именуют таганрожцы, был одноэтажным, с полуподвальным помещением, с 13 комнатами по фасаду. В доме, как видно из его описания за 1816 год, имелись: передняя, лакейская, канцелярия из двух комнат, кабинет градоначальника, зал, столовая, буфетная, две гостиные, три угольные жилые комнаты, коридор, терраса, уборная и кухня. В полуподвале имелись помещения для прислуги и кладовая. Дом находился неподалеку от обрыва с видом на море. (Базилевич В. М. Пушкин в Таганроге. Таганрог, 1940. С. 8). А. Пушкин и Раевские дом этот увидели в несколько ином виде. В 1818 году П. Папков накануне приезда в город императора Александра I предписал строительному комитету произвести «нужные для сего случая исправления». Кроме некоторых исправлений внутри дома, были еще устроены плацдарм (площадь для построения войск), кордегардия (караульное помещение) и оранжерея, а также произведена покраска всего дома. (Линин А. А. С. Пушкин на Дону. Ростиздат, 1941. С. 13). В доме этом Александр I проживал 22—23 мая (3—4 VI) 1818 года, а 19 ноября 1825 года в нем он внезапно умер.

Естественно, А. Пушкин и Раевские осмотрели дворец, императорские комнаты и град Тагань Рог. «Город, — по мнению Н. Раевского, — на хорошем месте, строением бедный, много домов, покрытых соломой, но торговлей богат и обыкновенно вдвое приносит правительству против Одессы. Способов ей не дают, купцы разных наций не имеют общественного духа, от сего нет никакого общественного заведения, пристани нет, а по мелководью суда до берега далеко не доходят, а при мие сгружали и нагружали оные на подмощенных телегах, которые лошади в воде по горло подвозили к судам».

Раевского-отца постоянно волновало здоровье Катеньки; это «единственная мысль моя, — писал он ей, — которая и во сне меня не оставляет». Спешили и другие Раевские, всех их очень ждали на Минеральных Водах и в Крыму. Не спешил только поэт, его вполне удовлетворяло общество Раевских. Тем более что ему предстояла встреча с неведомым ему миром казачества, о котором он был столько слышал.

Перепочевав в доме гостеприимного градоначальника, Н. Раевский со всей своей ватагой поутру рано отправился в Ростов,

что прежде, писал он, было предместьем крепости Святого Дмитрия. Кортёж Раевских, выехав из Таганрога, не поехал на Коровьбродскую почту, а вскоре после выезда из города повернул направо, пересек балки Большую и Малую Черелахи, вскоре оказался у Самбекской почты, расположенной в 17 верстах от дома градоначальника (по этому пути 11 октября 1825 года проезжал император Александр I). Здесь кареты Раевских переправились через реку Мокрый Самбек, затем через балку Большую Камышеваху, речку Мокрый Чулек, балки Каменную, Валовую и вершину балки Сафьяновой и прибыли на Мокрочулецкую почту, находящуюся в 14 верстах от Самбекской.

Среди жителей Самбека длительное время бытовало предание, не лишённое интереса. Они полагали, что название их села связано с именем императора Петра I. В 1901 году священник с. Самбек Иоанн Немчинов по этому поводу писал, что «в народе и по сие время существует такого рода предание, что некогда будто бы по этой речке император Пётр I сам бежал, преследуемый неприятелями и впоследствии наименовал эту речку Самбеком от слов «сам бег», но это предание».

Летя в пыли донской на почтовых чрез реки, балки и овраги, кареты со знатными путешественниками, промчавшись 83 версты от Таганрога, во второй половине дня с шумом въехали в Ростов. «Крепость сия, — запишет затем генерал в своем «журнале», — есть то место, где 37 лет тому назад жил я почти год с матушкой по той причине, что Лев Денисович (ген.-майор Давыдов (1743—1801), отец декабриста Василия Львовича, сводного брата Н. Раевского-старшего. — Н. К.), командовавший полком, ходил на Кубань под командой Суворова, а чтоб рассмешить тебя, мой друг, напомню песенку, мной сочиненную девице Пеленкиной и тебе известную, в которой я назвал ее Лизетой, потому что к ее имени, т. е. Алены, я рифмы приискать не мог. В первый раз ехав на Кавказ при жизни ее мужа тому 25 лет, я у них обедал; нынче, узнав, поехал к ней, застал, у них гостей; одна дочь замужем, другая же, 17 лет, в девицах, и так хороша, как мало видел я хороших. Я посидел, посмеялись насчет ребяческих лет наших и... растались...».

День клонился к вечеру, и путешественники спешили в Аксай, на ночлег. По пути в Аксай путешественники пересекли «...город армянский, Нахичевань называемый, пространный, многолюдный и торговлей весьма богатый. Образ жизни, строенье, лица, одеянья — все оригинальное. Мы его, — говорит Раевский, — проехали и прибыли на ночлег в станицу Аксай, на устье реки Аксай...». Здесь мы и оставим путешественников в покое, пусть размещаются на ночлег — они остановились на земле поэтического народа.

Мариупольский тракт начинался от г. Мариуполя и до Нахичевани, пролегал в основном по землям Ростовского уезда Екатеринославской губернии и частично по миусскому начальству Земли войска Донского. В этом начальстве не имелось ни одной казачьей станицы; все его земли принадлежали казачьим дворянам и были заселены их крестьянами. Аксайская станица являлась первым казачьим «жилым местом», которое впервые увидел А. Пушкин.

Ко времени прибытия А. Пушкина в казачий край здесь сформировалась группа критически мыслящей донской интеллигенции, многие из которой окончили Харьковский и Московский универ-

ситеты, благородный пансион, военные училища, войсковую гимназию и другие учебные заведения. Многие молодые и образованные казаки особенно интересовались прошлым своего героического края. В период обострения социальных противоречий на Дону и проведения здесь всеобъемлющих реформ в неменьшей степени образованных донцов волновало и будущее их родины. Наиболее ярким и авторитетным представителем донской молодежи являлся выпускник юридического факультета Харьковского университета Василий Дмитриевич Сухоруков. Войсковая канцелярия в 1817 году поручила ему и его товарищам по университету А. Кушнареву, М. Кучерову, В. Поснову, А. Бударщикоу, поручику артиллерии А. И. Картушину и другим лицам составление «статистических замечаний» о всех начальствах (округах) Войска. Несколькими позже В. Сухорукову поручили собирать материалы «для составления военной истории донских казаков». В качестве помощников ему были «приданы» А. Кушнарев, М. Кучеров, В. Поснов и Т. Дрезанников. С этого времени В. Сухоруков, по замечанию А. Пушкина, «предпринял... труд, важный не только для России, но и для всего ученого света». Во время пребывания А. Пушкина на Дону А. Картушин, А. Поляков и В. Сухоруков, «состязаясь общей пользе», решили для любителей чтения края открыть в Новочеркасске библиотеку. Она, по мнению ее организаторов, должна была состоять «на первый раз из трех тысяч или более лучших духовных, юридических, исторических, географических, философических, физико-математических» и книг по другим отраслям знаний, а также из газет и журналов. С открытием библиотеки ее организаторы намеревались проводить «литературные вечера под названием «Вечернее чтение». Позже эти «вечера» преобразовались в тайное общество.

В начале 1822 года В. Сухорукова перевели в Петербург и зачислили в лейб-гвардию Казачий полк с состоянием при председателе «Комитета об устройстве Войска Донского» ген.-адъютанте А. Чернышеве чиновником особых поручений. В столице В. Сухоруков установил тесные связи с офицерами казачьих полков, находившихся в Петербурге и его окрестностях, донскими студентами петербургских вузов и сотрудниками названного «Комитета». Обширные познания В. Сухорукова в русской и донской истории способствовали установлению личных связей со многими видными писателями и общественными деятелями, в том числе историком Н. М. Карамзиным, историками-археографами А. Ф. Калайдовичем, П. М. Стровым, писателями и поэтами И. А. Крыловым, А. С. Грибоедовым, А. И. Одоевским, К. Ф. Рылевым и многими другими. В столичных журналах В. Сухоруков опубликовал ряд статей по истории донского казачества. В своих работах он впервые осветил политическую историю донских казаков за все время их существования. Донской историк в своих статьях прославлял героическое прошлое своего народа и его свободолюбие, идеализировал демократический уклад общественной жизни. В декабре 1823 года В. Сухоруков был избран членом сотрудников Вольного общества любителей российской словесности, а позже его избрали в действительные члены этого общества.

В 1818—1825 годах в столичной прессе постоянно появлялись статьи о донском крае и его обитателях. Авторами статей, в основном, являлись лица, которые во время своего путешествия на

Кавказ побывали на Дону и затем делились своими впечатлениями с читателями журналов. Естественно, побывав на Дону кратко-временно, путешествуя в своих записках допускали «многие погрешности». После публикации в прессе таких статей стали появляться их «разборы» и «дополнения» к ним, написанные В. Сухоруковым и другими донцами, которые по разным причинам оказались в Петербурге. «Имея верное понятие о земле донской, как о родном своем крае», они давали прекрасное его описание и тем самым знакомили читающую публику с казачьим краем, о котором она имела «понятия более или менее сбивчивые, односторонние», — писал В. Сухоруков, — нередко и несправедливые». Предоставим и мы слово В. Сухорукову и его товарищам, они дадут нам самое полное и точное описание тех мест, куда направляется А. Пушкин, оставленный нами у Аксая.

В. Сухоруков: «Аксайская станица примечательна потому, что принадлежит к числу наилучших станиц. Вообще все дома в ней обустроены хорошо, есть и изрядной архитектуры, довольно большие и красивые, крытые железом. Каменная церковь имеет богатый иконостас. Из общественных зданий находится здесь станичный дом, уездное училище и богадельня. Аксайская станица, будучи построена на скате горы, у правого берега Дона, при устье рукава ее, Аксая, имеет улицы узкие, неправильные. Жители, кроме реки Дона, снабжаются хорошою водою из колодцев. Достоинно замечания, что станица сия, получив начало свое в последней половине минувшего столетия, теперь стала уже наряду с первыми станицами донскими. Выгодное местоположение ее оживляет досужество жителей, представляя им прибыточные промыслы. Здесь живут зажиточные торгующие казаки. В сей станице при устье Аксая находится пристань... Аксайская пристань есть место выгрузки всех продуктов, приходящих на Землю войска Донского реками Доном и Волгою, и из нее уже все сии продукты отправляются сухим путем в разные места Войска; нагрузка, происходящая на сей пристани, малозначительна...

Большое число магазинов уже выстроено на сей пристани; все приходящие в оную товары выгружаются на левой стороне реки Аксая, ибо складка оных близ жилья сопряжена была бы с опасностью... На противоположном берегу Дона находятся казачьи рыбобсетные заводы, составляющие значительную отрасль промышленности здешних жителей».

В 1820 году в станице имелось: «Каменных церквей — 1; частных домов: каменных — 87, деревянных — 520; мельниц: водяных — 3, ветряных — 2; заводов: рыбобсетных — 53, салотопенных — 2, кирпичных — 4».

А. И. Бударщиков: «В ней (ст. Аксайской) считается 529 домов, жителей военного ведомства мужеска пола 1729, женска 1436. На временном жительстве постороннего ведомства 400 душ».

В конце апреля 1823 года проездом на Кавказ на Дону побывал известный военный писатель, официальный корреспондент «Северной пчелы» подполковник И. Т. Радожицкий, который в последнем номере «Отечественных записок» за 1823 год опубликовал описание пути от Аксая до Георгиевска. В. Сухоруков в «Сыне отечества» (1823 г., кн. X) напечатал «Замечания...» на путевые записки И. Радожицкого. Приведем здесь их полемику, касающуюся Аксайской станицы:

И. Радожицкий: В Аксайской станице «величественный Дон приближается к устью и соединяется с рукавом своим Аксаем, отделяющим Новый Черкасск от Старого».

В. Сухоруков: «Из последних слов читатель поймет, что Новый Черкасск и Старый (т. е. г. Новочеркасск и станица Старо-черкасская) построены на противоположных берегах Аксая: но, напротив, только один Новочеркасск поселен при Аксае, а Старо-черкасская станица лежит на берегу Дона, в 22 верстах по прямой линии от города сего».

И. Радожицкий: «Переправа от Аксайской пристани почти во всякое время года бывает по воде на 7 верстах в малых и больших лодках».

В. Сухоруков: «Здесь большая ошибка, ибо иной подумает, что на Дону и реки не замерзают: переправа лодками производится единственно весною, во время разлива вод, и продолжается не далее половины июня месяца, и то при больших наводнениях. Но когда воды войдут в берега рек, всякий раз наводят чрез Дон плавной мост, который и остается здесь до утверждения льда...».

И. Радожицкий: «Женщин видно мало».

В. Сухоруков: «Это вышло как-нибудь случайно, но женщины у нас всегда свободны».

В таком виде предстала казачья станица Аксайская поздним вечером 31 мая 1820 года пред поэтом. По прибытии в Аксая Н. Раевский, по его словам, «послал тотчас письмо с казаком к атаману Денисову, что будет назавтра к нему обедом, и куда всей гурьбой наутро отправился».

Пока Н. Раевский и его спутники в кругу донских офицеров будут предаваться воспоминаниям дней не столь давно минувших, мы отправимся в Новый Черкасск. Посмотрим на новую столицу донского края глазами В. Сухорукова, тогда уже слышавшим лучшим знатоком казачьей истории. Когда А. Пушкин в Аксайской станице готовился к ночлегу, В. Сухоруков завершал писать последние страницы статистического описания Хоперского округа, а утром следующего дня он поспешит в атаманскую канцелярию к атаману А. К. Денисову, при котором он состоял чиновником по особым поручениям. Позже А. Пушкин относительно этой должности В. Сухорукова скажет, что в «в 1820 году бывший атаман употребил его (В. Сухорукова) по своим делам, как человека сведущего и смывшлого». Давайте и посмотрим на Новый Черкасск 1820 года глазами этого «сведущего» человека:

«Город Новочеркасск есть главное место ... в целом Войске Донском; здесь находится высшее войское начальство, гражданское и военное, также наказной атаман имеет постоянное пребывание».

Мыс крутой горы, обтекаемый с трех сторон, с северной, восточной и южной, двумя речками, и, возвышающийся над поверхностью Азовского моря за 343 фута, — есть место, где построены Новочеркасск; четвертая сторона мыса сего — западная, оканчивается долгим и глубоким оврагом, называемым Западною балкою; от этого оный мыс образует вид крутого и огромного холма, который одною только узкою полоскою с северо-западной стороны непосредственно соединяется с горою. В сей окружности его, без загородных строений, около 13 верст. Во многих местах, а особ-

ливи на скатах, он пересекается глубокими оврагами, причиняющими некоторое неудобство жителям.

Город, в настоящем устройстве хотя не имеет много больших зданий, но по возвышенному открытому местоположению и малые дома жителей, почти со всех сторон, представляют вид его довольно разнообразным и красивым, особенно оживляется он речками, извивающимися с трех сторон его у самой подошвы горы. За сими речками лежат обширные луговые равнины, образующие прекрасные его окрестности: равнина с южной стороны от Аксаия к Дону объемлет весь горизонт, и когда во время весенних разливов покрывается водою, то представляет собою живописный вид. К окрестностям города принадлежат и загородные дома чиновников с их садами, простирающиеся непрерывною цепью по правому берегу речки Аксаия, у подошвы горы, на пространстве 25 верст. Они занимают местоположение самое красивое.

Различные невягоды местоположения прежнего города Черкаска, находившагося в нынешней Старочеркасской станице, заставили войсковое начальство ходатайствовать о переселении оного на другое место. Для сего избрано покойным войсковым атаманом графом Платовым, с согласия чиновников, нынешнее, при речках Тузлове и Аксае, и вследствие высочайшего разрешения, последовавшего 1804 года, в 18 день мая 1805 года заложен там новый город, под названием Новочеркасск.

Инженер генерал Деволант (которому поручено было рассмотреть место для переселения города), нашел оное также выгоднейшим. Ему представляли четыре других, а именно: 1) место, занимаемое ныне станицею Аксайскою; 2) в окрестностях селения Махина, где теперь Махинская станица; 3) между станицами Криванскою и Заплавскою, и 4) урочище Красный Яр, неподалеку речки Грушевки, при впадении ее в Тузлов.

Из всех оных мест казалось удобнейшим первое (при устье Аксаия), но генерал Деволант нашел в нем множество невыгод, из коих две особенно примечательны: 1) что преимущественная часть города должна была бы занимать вершину горы, удаленную от берегов реки более 4 верст; 2) что город и все окрестные поселения встали бы в поземельных дольствиях: ибо тогда на девяти верстах протяжения (вниз по Дону) от Аксайской станицы с г. Ростовом находились бы три города и две станицы (здесь теперь находятся два города Екатеринославской губернии Нахичевань и Ростов, выше коих в ближайшем соседстве лежат две казачьи станицы: Сретенская и Александровская), или 40 (тысяч) душ обоего пола, различных ведомств.

Город Новочеркасск, будучи окружен, как выше сказано, небольшими речками Аксаем и Тузловом, хотя в течение летних месяцев каждого года не имеет удобной пристани и водяного пути, собственно, для больших судов, но, однако ж, он не теряет водяного сообщения со всею донскою землею и не лишается средств к промышленности сего рода. Торговля, производимая водяным путем несколькими здешними жителями, совершается ежегодно с удобностию в весеннее время при половодьях, происходящих от разлива Дона и других рек, в него впадающих. Различные изделия и хлеб, покупаемые казаками-торговцами на Волге, равно строевой и дровяной лес, а также пшеница и хлеб из верховых станиц Дона, сплавляются сюда, как и в Аксайскую станицу, в та-

ком количестве, какое нужно бывает в течение года к потреблению городским жителям и для продажи в окрестные места...

План города Новочеркаска довольно хорош и расположен правильно; он разделен на 76 кварталов, состоящих из 3 (тысяч) мест, кои все избыточно снабжены землею: места первого класса имеют по фасаду 20 саженей и в глубину от 30 до 60; второклассные — 15 саженей по фасаду и от 30 до 50 в глубину; самые меньшие — 10 саженей по проспекту и от 20 до 30 саженей вглубь.

Прямые, широкие улицы и большие площади составляют собственную красоту Новочеркаска. Больших улиц, или проспектов, — 5, средних — 28, малых, или переулков, — 19. Из проспектов, когда оные застроятся по сделанному предположению, будут наилучшие: первый, идущий от собора к Западной балке, и второй, так называемый, Дворянский, простирающийся от собора к Троицкой церкви. Ширина проспектов 25 саженей, средних улиц — 15, малых — 10 саженей. Новочеркасск еще не вымощен, при всем том в сухое время на улицах довольно опрятно; при дождях же грязь так бывает велика, что не токмо ходить, но даже ездить чрезвычайно трудно. На двух улицах устроены мостовые в виде шоссе из разбитого в щебень желтого камня и песка, но состав сего рода непрочен; ибо и сам упомянутый камень чрезвычайно мягок; оттого в дождливое время делаются по всей мостовой большие выбои, или ухабы. Много требуется времени и усилий, чтобы утвердить из подобного состава мостовые. Вместо подземных труб вырыты здесь по обеим сторонам мостовых канавки для стока воды.

При утверждении городского плана высшим правительством было предположено: для содержания чистоты на улицах сделать по оным боковые канавки и обложить их камнем; пространство между канавками от 10 до 15 саженей полагалось для проезда, а место между домами и канавками было назначено для пешеходцев. Но опыт доказал, что один сей способ недостаточен для осушения улиц.

Улицы в Новочеркасске освещаются только в торжественные дни, а в прочее время освещения вовсе не бывает, хотя здесь весною и осенью ночи чрезмерно темны. Больших площадей в Новочеркасске 7...

Гульбищ, нарочито устроенных, в Новочеркасске, нет, кроме ботанического сада, находящегося вне города. По причине отдаленности сад сей не может быть общим местом гулянья, хотя летом почти в каждый праздник бывает в нем небольшое стечение народа. Для загородного гульбища он довольно хорош: местоположение имеет выгодное: для прогулки есть в нем несколько чистых аллей из фруктовых деревьев, для отдыха две или три тенистые рощицы, для забав — пушистые поляны; можно качаться на качелях, играть в кегли или из маленьких беседок смотреть на окрестные виды. Сад оный поручен непосредственному смотрению войскового аптекаря; содержится он иждивением войскового начальства.

От недостатка удобных для гулянья мест самый город кажется скучным. В южном климате, где летний жар нередко восходит до 35 и даже до 40 градусов, кому придет охота расхаживать по голой, открытой горе? При всем том в каждый праздник вече-

ром встретишь несколько гуляющих: но если бы дать городу прохладу садов, тогда, без сомнения, развилась бы врожденная любовь его жителей к общественной и увеселеньям.

Присовокупим к сему, что в Новочеркасске нет ни дома для публичных собраний, ни театра, ниже другого какого-либо общественного увеселенья, убедимся еще более в необходимости устройства гульбищ. (Позже было добавлено: «С 1825 года заведен здесь небольшой театр, на коем играет приезжающая сюда разновременно из Таганрога труппа актеров».)

Для снабжения города водою устроено в нем около 40 общественных колодезь, из коих при 20 сделаны бассейны для запаса воды на случай пожаров...

В городе выстроено 6 церквей деревянных: Соборно-Вознесенская Господня, Св. Александра Невского, Св. Николая Чудотворца, Св. Троицы, Св. Димитрия Мироточивого (на кладбище), и Архангела Михаила...

Обывательских домов в Новочеркасске донныне выстроено: каменных 282, деревянных 1420. Огромных зданий здесь еще нет, однако ж, есть несколько больших двухэтажных домов, довольно красивой архитектуры. Смерть бывшего атамана графа Платова воспрепятствовала ему совершить заложенный для себя дом, весьма обширный и по прекрасному плану начертанный. Маленькие казачьи дома также довольно обустроены. Но вообще город еще нов, и остается в нем много пустых мест, кои отнимают у проспектов надлежащий вид. Все без исключения частные дома строятся по фасадам высочайше утвержденным. При многих домах разведены фруктовые садики, коих находится до 280.

К сожалению, большая часть богатых чиновников не имеет собственных домов в городе: привычка ли жить в деревнях, или какие другие расчеты тому причиной; но город лишается чрез сие красивого устройства между частными строениями...

В заключении описания города Новочеркаска нельзя не упомянуть, что здесь в особом отделении Войсковой канцелярии хранятся регалии — памятник славных заслуг Донского Войска. Это собрание жалованных казакам за их службы: клейнодов, знамен, бунчуков, торжественных грамот и проч.».

Утром 1 июня А. Пушкин со «всей гурьбой» Раевских из Аксайской станицы по Московско-Кавказскому тракту отправился в Новый Черкасск к войсковому атаману ген.-лейтенанту А. К. Денисову, на обед. Спустя три часа кортеж Раевских подкатил к Триумфальной арке, уставленной посреди широкого проспекта, ведущего в центр строящегося города. В то время проспекты, улицы и переулочки города являлись безымянными, и только в начале 1839 года Войсковая строительная комиссия внесла в Войсковое правительственное постановление 58 проспектам и улицам. Проспект, по которому ехали Раевские с А. Пушкиным, было предложено назвать Вознесенским проспектом. Однако Войсковое правительственное нашло, «что согласно историческим воспоминаниям и долговременным привычкам жителей приличнее» наименовать его Платовским. Именно на этом проспекте атаман М. Платов заложил себе дом (дворовое место № 849, квартал № 28), и поэтому казаки в обиходе этот проспект называли атаманским, т. е. Платовским.

По проспекту кареты ехали медленно, в сопровождении почетного конвоя, и вскоре оказались у двухэтажного дома, с каменными низами. Дом этот относился к числу первых построек города; располагался он напротив Гостиного ряда. Во время атаманства в этом доме жил Андриан Денисов, сподвижник А. Суворова, герой Нови и Альпийских стремнин. Сегодня у ворот своего дома атаман встречал героя 1812 года и поэта, слух о котором тогда еще не прошел по всей Руси...

Обед прошел за беседами и воспоминаниями. На десерт из холодного подвала принесли бланманже. Доктор Е. Рудыковский с блюда быстро перевел взгляд на засуетившегося поэта, тот принял осуждающий взгляд доктора, но не послушался, «покушал бланманже и снова заболел». «Доктор, помогите!» — обратился позже поэт к Е. Рудыковскому, тот ответил: «Пушкин, слушайте!» (Рудыковский. Встреча с Пушкиным // Русский вестник. 1841. № 1. С. 273).

После обеда Н. Раевский у атамана «выпросил шлюпку» и в Аксай возвращались «водой». Увиденное их всех чаровало. Делаясь с дочерью своими впечатлениями, генерал затем напишет: «Вообрази ты себе берег нагорный, с разнообразными долинами, холмами, рощами, виноградными садами и застроенный беспорядочными дачами на расстоянии сорока верст, в степном уголку земного шара <сегодня эти места повергают в глубочайшее уныние и пребудут вечным укором всем нам за содеянное. — Н. К.>, ты можешь легко представить чувство смотрящего на сии картины человека, коего сердце приятным чувствам открыто быть может. Мои все были в восхищении... На пути, спросив на даче граф. Кат. Дмитр. Орловой <графиней была 1-я жена атамана В. П. Орлова (ум. 30.VII.1801) Дарья Федоровна, урожденная Денисова; с Екатериной Дмитриевной, урожденной Иловайской, В. Орлов брак сочетался 8.I.1790 г.>, вдовы атамана, тещи Палена, и, узнав, что с час как приехал сосед наш Орлов Алексей Петрович, который здесь, на водах, мы вышли на берег, я с ним повидался...».

С ген.-майором Алексеем Орловым повидаться еще придется всем Раевским и А. Пушкину, и поэтому о нем здесь скажем несколько слов. На Дону Алексей Петрович был известен не только как брат войскового атамана Василия Орлова, но и как богатый помещик, имения которого располагались в Миусском начальстве и Киевской губернии. В 1777—1780 годах он служил в лейб-конвойной казачьей команде; 10 марта 1799 года назначен командиром вновь сформированного 3-го эскадрона лейб-гвардии Казачьего полка, а с 4 января 1801 года и по 10 декабря 1802 года являлся командиром этого полка. 30 декабря 1802 года Алексей Петрович «по старости лет» был уволен от службы и с тех пор проживал в своих имениях, а наездами — на даче под Аксаем и в Пятигорске.

Длительное время пушкинисты не могут определить, почему Н. Раевский генерала А. Орлова называет своим соседом. Он действительно являлся соседом Раевских, имение которых, Болтышка, Уманьского уезда, Киевской губернии, находилось в нескольких километрах от Матусовского имения А. Орлова, Черкасского уезда, той же губернии. В конце декабря 1825 года князь Сергей Волконский в связи с предстоящими родами его жены Марии, урож-

денной Раевской, вез ее в имение отца — Болтышку и тревожную ночь, в ожидании ареста, провел в имении Алексея Орлова в с. Матусове. Кроме того, лейб-гвардеец А. Орлов являлся и соседом декабриста И. В. Поджио, имение которого находилось в д. Яновка, Чигиринского уезда, а в 8 верстах от Яновки находилось имение дяди его жены А. Л. Давыдова. А. Орлов, будучи в Белой Церкви, узнал о восстании Черниговского полка и сразу же известил об этом А. Давыдова, а он уже И. Поджио.

После отъезда Раевских и А. Пушкина с Дона на Кавказ вслед за ними отправился в Пятигорск и Алексей Петрович, так как 64-летнего генерала постоянно преследовал недуг. На Водах они вновь встретились. Неоднократные поездки на Воды поправили здоровье генерала, и он «в знак благодарности за исцеление водами» построил в Пятигорске «дом для жительства неимущих офицеров». Проект дома со всеми принадлежностями сделали «по личному приказанию командующего войсками на Кавказской линии генерала от кавалерии Г. А. Емануеля архитекторы братья Иван и Иосиф Бернардацци. Дом построен был из известкового камня и, по словам очевидца, имел «прекрасный натуральный пепельный цвет». Расположен он был на Горячеводской улице фасадом к главному бульвару; назывался этот дом «Домом генерала Орлова для неимущих офицеров». Лермонтоведы полагают, что в нем бывал М. Лермонтов. Кстати, сын А. П. Орлова ген.-майор (затем ген.-адъютант) Иван Алексеевич знал М. Лермонтова; с поэтом была знакома и его супруга Еликонда Петровна, урожденная Мусина-Пушкина, и ее сестры Ератеида и Поликсена. Ида была влюблена в М. Лермонтова и присутствовала на его похоронах. О пребывании сестер в Пятигорске летом 1841 года знакомый М. Лермонтова Н. Туровский писал, что «явление хорошенькой генеральши Ор-вой с хорошенькими сестрами М. П., наделало шуму, в честь их квалеры дали роскошный бал *chaupêtu* в боковой аллее бульвара».

Однако вернемся к Пушкину. После встречи с А. Орловым он с Раевскими отправился в шлюпку в Аксай, куда «приехали уже ночью довольно поздно». Это была уже вторая ночь, проведенная ими в Аксае. Желательно было бы знать, у кого ночевали? Естественно, не на почтовой станции и не потому, что в Аксае ее тогда еще не было. На почтовых станциях обычно останавливались больные, едущие на Воды, да мелкие чиновники. Военные и гражданские чины, как правило, останавливались в домах знакомых офицеров или же в обывательских домах. Так, князь И. А. Безбородко 10 июня 1812 года «стоял в доме сотника одного», а обедал у исправляющего должность атамана генерала Семена Ивановича Курнакова, имевшего лучший дом в Новочеркаске. У С. Курнакова 24 мая 1817 года «имел обед» и император Александр I; в октябре 1837 года император Николай I и наследник Александр в Аксае останавливались в домах казаков Мухина и Дудникова.

В 1820 году в Аксайской станице проживало немало офицеров, с которыми Н. Раевский в боях и сражениях провел не один год и прошел всю Европу. Многие из них в Аксае имели хорошие дома и, естественно, охотно могли предоставить ему и его спутникам ночлег. По данным на 1819 год, из аксайцев, находившихся на льготе (т. е. дома), из участников войны 1812 года и за-

граничных походов ночлег могли предложить ген.-майор Греков Тимофей Дмитриевич (он имел прекрасный «зааксайский двор»), полковники Греков Алексей Степанович, Денисов Иван Денисович и другие офицеры.

Переночевав в Аксае, Раевские с больным А. Пушкиным рано утром, «отправив кареты на большом судне на другой берег, до коего было 18 верст, сели опять в шлюпку, — пишет Н. Раевский, — и поехали в Старый Черкасск». Этот город Н. Раевский видел еще в то время, когда он являлся столицей Войска. С тех памятных лет прошло почти 40 лет, прежний город превратился в станицу и сильно изменился. Чтобы современный читатель хорошо представил Старый Черкасск того далекого 1820 года, предоставим слово донскому летописцу Василию Сухорукову. Он родился в Черкасске, искренне любил его, доподлинно изучил историю города, после чего в споре с патриархом русской истории Н. Карамзиным доказал ошибочность его представлений относительно времени основания Черкаска:

«Станица Старочеркасская — остатки переселенного города Черкаска, достопримечательна по многим отношениям. Она лежит на правом берегу Дона в расстоянии от Новочеркасса в 18 верстах по прямой линии. Местоположение ее луговое, ровное и частью болотистов. Богатый Дон омывает ее с южной стороны; чрез нее протекает большой проток, или залив Дона, и несколько ручьев в различных направлениях... Варгушка — ручей, протекавший на краю города с восточной стороны, памятен для жителей и по красивому гулянию, и по некоторым воспоминаниям о старинных разнообразных увеселениях донцов. Окружность станицы с садами составляет около 8 верст.

Низкое место сие имеет два ощутительных неудобства: первое заключается в чрезмерной тесноте, отчего, когда был здесь город, весьма редкий свой дворик, а все вообще строения были стеснены и скучны. Второе неудобство представляют ежегодные наводнения, которые нередко подвергают жителей многим разорениям. При больших разливах все место покрывается водой; в сие время жители друг к другу ездят на лодочках, а для пешеходов делаются из досок узкие помостки, проведенные с одного крыльца на другое, или расположенные на воде в виде плавных мостиков. Когда вода стечет, то долгое время остаются грязные места, коих испарения заражают воздух...

Что касается, собственно, строений, то Старочеркасская станица представляет любопытное разнообразие. Старинные дома являют замечательное отличие от нынешних: и архитектура и украшения их имеют какое-то странное смешение азиатских форм с древним русским вкусом. Дома сии обыкновенно построены на столбах, или высоких и больших четвероугольных срубках, подобно русским клетям, кои называют здесь амшениками; со всех сторон висят сплошные крыльца с перилами, лестницы всегда идут снаружи, высокие и крутые кровли возвышаются очень остро и на верхушке сделаны какие-нибудь деревянные или жестяные фигурки. Всех частных домов в Старочеркасской станице ныне считается 924, из коих 100 — каменных.

Из общественных строений здесь достойны внимания:

1. Четыре каменные церкви: Соборная Вознесенская, Преображения Господня, Донской Божией матери и верховных апостолов

Петра и Павла. Из них Соборная церковь есть большое здание старой архитектуры, сооруженная в 1719 году, на месте бывшей прежде деревянной, которая была построена в 1650 году по следующему весьма важному происшествию. В 1637 году казаки отняли у турок Азов и владели сим городом почти до половины 1642 года. После бесполезных покушений к возвращению его, Порты наконец решилась отрядить противу казаков многочисленное войско, состоявшее из турок, крымцов, черкес, волохов, венгерцев и многих наемников иноземных — всего более 150 (тысяч) человек, с большим огнестрельным и стенобитным снарядом. На защиту Азова не набралось и 10 (тысяч) донских воинов; но малочисленная горсть людей сих, твердых духом, поклалась разогнать гордых врагов или умереть в стенах города. Три месяца противоборствовали они всем усилиям мусульман; побили их более третьей части и сами потеряли почти такую же часть своих собратий. Тройные стены, окружавшие город, разрушены до основания; казаки врылись в землю и защищались с одинаковым ожесточением. В сии бедственные дни они дали обет воздвигнуть церковь во имя Воскресения Христова с четырьмя пределами: 1-й — во имя благовещения, 2-й — Иоанна Предтечи, 3-й — Николая Чудотворца и 4-й — Алексея божия человека, если проведение спасет их от неверных. Казаки остались победителями, но восемь лет не начинали работ, пока наконец осенью 1649 года явилась на Дону мировая язва; приписывая сие гневу божию, казаки покаялись немедленно исполнить прежний обет, и 27 декабря язва прекратилась. Вскоре отправили они в Москву станицу просить патриаршего благословления на сооружение нового храма. Апреля 30 дня 1650 года дана благословленная грамота и чрез год построена церковь. Царь Алексей Михайлович пожаловал на оную ризы, некоторую утварь, книги и проч. В последующее время Соборная церковь несколько раз горела и сие самое заставило казаков построить на месте оной каменную, как выше сказано. Она не имеет особенных архитектурных достоинств: о семи главах, с легким куполом и с размерами не везде пропорциональными. Кажется, церковь сию хотели приновить к плану Московского Успенского собора; хотя Черкасский собор для провинциального города кажется довольно обширным...

Петропавловская церковь, перестроенная в каменную около половины минувшего столетия, освящена 1751 года августа 31. Она не велика, но изрядной архитектуры и также богата внутренними украшениями.

Церковь Донской Божией матери построена при доме гг. Ефремовых усердием и иждивением бывшего войскового атамана Даниила Ефремова. Как домовая церковь, она довольно велика и красива. Убранство ее соответствует наружному виду и святости места.

Преображенская церковь построена около 1740 года. В 1744 году она горела и по возобновлении освящена 1751 года августа 6. В конце истекшего столетия она в другой раз потерпела значительный вред от пожара и в сие время выгорел почти весь ее иконостас. Усердные прихожане сделали новый, несравненно лучший, который отличается правильностью и красотою; он носит теперь отпечаток греческого вкуса; особенно делают ему хороший вид

колонны Коринфского ордена, покрытые резьбою. Живопись сей церкви, хотя также простая, но несравненно лучше соборной.

2. Большой гостиный двор каменный, двухэтажный, коего наружность также имеет что-то азиатское. Обширность его напоминает нам прежнюю богатую промышленность городских жителей и их довольство. Здесь действительно процветала торговля до переселения города. Во всякое время года на каждой улице можно было увидеть вдруг: малороссиянина, грека, турка, армянина, занятых одним делом — продать или купить. Гостиный двор был тесен для купечества, и потому построено было множество отдельных лавок. Особые два ряда оных по сторонам большого моста занимали греки, от коих и лавки те прозваны греческими; они были наполнены беломорскими и, собственно, турецкими произведениями; сверх того торговали здесь жемчугом, шерстяными изделиями, шальями и проч.

Еще к общественным строениям Старочеркасской станицы принадлежат: станичный дом, народное училище, оба каменных; две богадельни, питьевые дома: 3 каменных и 7 деревянных, 1 харчевня и плавной мост чрез реку Дон, изрядно устроенный.

Из заведений промышленности находятся здесь: рыбосплетных заводов 41, кирпичных 4, кузниц: каменная 1, деревянных 20 и 3 ветряные мельницы. Количество рыбосплетных заводов показывает удобность здешней промышленности.

Из частных домов достойны быть замеченными гг. Малчевских, Ефремовых, Иловайских, Слюсарева, подле гостиного двора, и некоторые другие.

Сколь ни любопытна Старочеркасская станица ныне существующими зданиями, но она несравненно занимательнее для донцов своими развалинами и урочищами. Старый Черкасск и Азов — вот два места, которые рождают столько напоминаний о прежних событиях донских. Быв полтора лет в непрерывном соперничестве, они обилии обоюдную кровию своих жителей все разделяющее их пространство и оставили такую могущественную силу в душе питомцев тихого Дона, что один звук имен их воскрешает для донца века протекшие. Но Старый Черкасск, в сем отношении, преимуществом пред Азовом: в его безмолвных памятниках читаем не одну историю доблестей и подвигов, но постепенное изменение простоты, общежития, вкуса.

Из важнейших развалин первое место заслуживает каменная стена, которая, быв начата в 1742 году славным атаманом Данилом Ефремовым, после оставлена по предписанию верховного правительстве. Ефремов хотел обнести оную весь город для безопасности от неприятельских набегов; он успел провести стену сию только от стороны реки Дона. Не быв исправляема, она постепенно разрушалась, и теперь едва заметен след ее.

Прочая часть города была обнесена деревянною стеною, которая с восточной стороны от реки Дона простиралась по берегу протока и при устье оного опять примыкалась к Дону. На сем пространстве помещался, собственно, древний город Черкасск, крепкий еще более естественным местоположением, ибо кругом его обтекала вода. При быстром умножении населенности Черкаска пространство сие скоро сделалось тесным, почему жители разных станиц начали выселяться за городские стены, по правую сторону протока, где составилось предместье города, которое в

короткое время распространилось по всему пространству от Татарской станицы до садов и Ратного поля. Место сие обнесено было палисадником. На пространстве городских стен были размещены 6 бастионов и 2 на палисаднике; городские бастионы, которые казаки называли раскатами, отстоя один от другого на 100 и на 200 сажений, весьма способствовали крепости города. Развалины их доныне сохранились.

Еще к любопытным развалинам города принадлежат так называвшийся Большой мост, деревянный, на высоких столбах, который простирался на 560 сажений в длину от Преображенской церкви к Дону. Он, возвышаясь совершенно горизонтально более сажени над землею, на всей длине своей не имел ни сводов, ни арок ниже каких-либо дугообразных возвышений: более 2 (тысяч) столбов, перпендикулярно утвержденных в землю, на коих лежал простой помост из толстых досок, составляли всю его сложность. В ширину он занимал три сажени, имея по обеим сторонам перилы. Несмотря на здешний болотистый грунт и на то, что четыре месяца в каждом году сей мост должен был выдерживать сильные порывы полой воды, он более пятидесяти лет стоял невредимо; по нем ездили всякие тяжелые экипажи. При переселении города не пощадили сего старинного памятника: разобрали более половины (в ширину) верхний помост и, бросив остальное без исправления, едва не довели до совершенного разрушения. Ныне Старочеркасская станица заботится об исправлении его.

Другой деревянный мост, также на столбах, был протянут от гостиного двора к западу чрез всю остальную часть города до бывшей Средней Рыковской станицы. Он был уже вдвое больше первого и служил единственно для пешеходов. Теперь от него остались одни развалины. Еще замечательны развалины бывших пороховых погребов, или так называвшейся на Дону пороховой казны. Это было порядочное каменное здание, построенное посреди пустой площади между Прибылянской и Дурновскою станицами. В старину хранилось в нем пудов по тысячи и более войскового пороха. Помещение столь значительного количества горючего вещества между жильем, без сомнения, было весьма опасно, и город потерпел от того величайшее несчастье: когда во время пожара 1744 года взорвало пороховую казну, то почти весь город с общесловенными и частными сокровищами и более 200 жителей были жертвою сего горестного дня...

Потомство донское тщетно будет искать дома славных героев своих, занимающих почетное место в народных летописях, каковы: Осип Петров, Карнелий Яковлев, Фрол Минаев, его сыновья и Лукьян Максимов, дивный наездник — гроза Кавказа Иван Краснощекоев и проч. Жилища первых четырех для нас уже потеряны; но место, где был дом Краснощекоева, еще укажет старый воин».

Грустью навеяны и строки письма Н. Раевского дочери Катерине, которые касаются этой станицы. «Сей разжалованный город в станицу, — писал он, — еще более обыкновенного залит водою. В нем осталось домов до 700, в том числе несколько старых фамилий чиновников <генерал хорошо знал многих этих офицеров>, как-то Ефремовых и пр., другие ж перевезены в Черкасск. Но церквей не перевезли и их богатства, но не могли увезти памяти, что это первое было гнездо донских казаков. Словом, Старый Черкасск останется вечным монументом как для русских, так

и для иностранных путешественников. Обойдя все, что там есть достойного, отправились мы и на левый берег Дона и приплыли в Азию в одно время с нашими каретами».

В старом гнезде казачества еще и в 1820 году можно было найти немало «достойного» внимания, а еще больше услышать. Однако об услышанном часто не доверяют ни бумаге, ни почте. Не доверяли им и Пушкин. В письме к брату от 24 сентября 1820 года поэт писал, что «когда-нибудь прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков — теперь тебе не скажу об них ни слова». А жаль, что поэт не поделился своими впечатлениями с братом, как это сделал генерал Н. Раевский, подробно запечатлевший свое пребывание на Дону. Тогда нам не пришлось бы гадать, о чем говорили почтенные и любознательные гости во время прогулки по станице.

Но можно с большой долей уверенности очертить тот круг вопросов, который в той или иной мере затрагивался в их беседах во время осмотра безмолвных свидетелей былой славы донцов. В прежней столице донских казаков нередко происходили и такие события, которые еще долго будут привлекать к себе самое пристальное внимание. К таковым событиям можно отнести массовые репрессии имперской России в Черкасске в сентябре—октябре 1800 года. 5 сентября 1800 года на главной площади Черкаска был «нещадно» наказан кнутом полковник лейб-гвардии Казачьего полка Евграф Грузинов, после чего скончавшийся в колокольне Петропавловской церкви. Официально Евграф Осипович был наказан «за измену» Павлу I и государству. Протоиерей Петр Волошеневский, неоднократно производивший «убедительные увещевания» упорствующему гвардейцу в признании вины своей, заявил членам военного суда, что Е. Грузинов «замышлял... уничтожить верховную власть» в России. Кроме того, Е. Грузинов, как видно из его записок, намеревался уничтожить правящую в стране династию. Сразу же после наказания полковника Е. Грузинова ген.-адъютант С. Кожин донес из Черкаска императору, что «казнь над извергом Грузиновым была сего же дня при собрании многочисленной толпы народа... коих в памяти сие зрелище останется надолго». 27 сентября 1800 года «на утренней заре» на той же площади войсковому старшине И. Афанасьеву, гвардейским казакам З. Косминину, И. Колесникову и В. Попову «учинили смертную казнь отсечением голов» за то, «что они слышали» от Е. Грузинова «ухулимые изречения» на императора «и по долгу присяги их не донесли». И это несмотря на то, что в России смертная казнь была отменена в 1753 году. 26 октября 1800 года также был засечен кнутом родной брат Евграфа подполковник гвардии Петр Грузинов. В сентябре—декабре 1800 года в Черкасске «за дерзкие речи об императоре Павле I» плетью было наказано более 35 человек, еще ранее более 70 человек наказали за укрывательство беглых крестьян, а несколько человек отправили в Петропавловскую и Шлиссельбургскую крепости.

Пока шли поименные наказания казаков, Павел I вынашивал планы наказания всего Войска. 12 января 1801 года он подписал указ о поголовном походе казаков для завоевания далекой и неизвестной им Индии. На самом же деле император преследовал иную цель. По утверждению княжны Х. Ливен, Павел I «с гневной вспышке решил предать уничтожению все донское казачество...».

Пусть такое утверждение останется на совести княжны, мы только отметим, что об этом событии знал не только Дон, и но и весь Петербург.

После осмотра разжалованного города и переправы на левый берег широко разлившегося Дона Раевские и Пушкин «сели в кареты и пустились в путь, 200 верст ехали землями, принадлежащими Донскому Войску, кои в мое время, — отметил Н. Раевский, — равно и 170 верст Кавказской губернии до называемой Донской крепости, составляли степь безводную и необитаемую, и на всем сем расстоянии ничего не было, ныне ж нашел я большие селения, колодцы, пруды и все необходимо нужное для жизни проезжающего».

Во времена, когда Н. Раевскому еще в молодые лета приходилось здесь бывать, проезд по Задонскому тракту был сопряжен с большими неудобствами: почтовые станции являлись совершенно неблагоустроенными, а провизию приобрести было почти невозможно. В первой четверти XIX в. Войсковая канцелярия по требованию верховного правительства предприняла ряд мер по благоустройству Задонского тракта. В 1804 году Войсковая канцелярия по предложению атамана М. Платова решила при каждой почтовой станции построить особый дом, в котором могли бы размещаться больные и «проезжие», а с целью заселения и благоустройства Задонского тракта было решено разрешить донским чиновникам завести хутора «в близости к почтовому тракту». Владельцам новых хуторов предоставлялось право продажи съестных припасов проезжающим по тракту. Желающих завести хутора оказалось немного, и тогда Войсковая канцелярия предприняла более демократические меры. В 1808 году эта канцелярия через сыскные начальства объявила «желающим в станицах чинам, казакам и приписным за станицами малороссиянам <это нечто крепостных крестьян станиц>, не окажутся ли желающие поселиться у дороги Задонского почтового тракта при почтах — Кагальницкой, Мечетной и Мало-Егорлыцкой, где и отведена быть иметь им земля, по примеру станиц, с наименованием станицами, с тем, что сии желающие получают льготы на 5 лет, первые от всех по военной службе, а последние — малороссияне в нарядах от тягостей и работ по Войску». В итоге на Задонском тракте появились 3 станицы: Кагальницкая на левой стороне р. Кагальник, Мечетинская при р. Мечетной и Егорлыкская при р. Егорлыке, а в 1809 году по высочайшей воле при Махинском ерике была образована Махинская станица.

Махинская станица начала заселяться еще в 1807 году, а в 1820-м в ней имелось 109 деревянных домов, в которых проживало 454 жителя м. п. и 510 ж. п. С 1807 года начала заселяться и Кагальницкая станица, в которой в 1820 году проживало 322 жителя м. п. и 342 ж. п. В Мечетинской и Егорлыкской станицах в 1820 году имелось по 88 дворов, в первой станице проживало 285 жителей м. п. и 330 ж. п., а в последней — 250 м. п. и 300 ж. п. Переселения в эти станицы происходили и после 1820 года, происходило оно по жребью, согласно древнему войсковому обычаю. После переселения малороссияне были записаны в казаки. Для надлежащего направления станичных дел и полицейского наблюдения за порядком в новых станицах при войсковом атамане были «заведены» особые начальники.

Преобразования, проведенные войсковым начальством по благоустройству Задонского почтового тракта, с удовлетворением воспринял не только генерал Н. Раевский, но и другие проезжающие по нему лица. А. Пушкин, сидя в карете и слушая рассказ Н. Раевского о прошлом этого тракта, и не предполагал, что спустя 9 лет он вновь будет ехать по этим местам и, подобно генералу, вспоминать свой первый проезд по земле донских казаков и, сидя в «огромной бричке» Владимира Мусина-Пушкина, будет рассказывать... Впрочем, в бричке имелись большие запасы вина — и поэтому не исключено, что путешествующим было не до воспоминаний.

1829 год

В самом начале 1829 года А. Пушкин неожиданно засобирался на юг. Зачем? А Бог его знает. Поступки и намерения людей, находившихся под самодержавным надзором, доподлинно определить невозможно. Сам поэт говорил, что намеревался поехать на Минеральные Воды, а уже будучи на Водах, ему неожиданно захотелось съездить в Тифлис «для свидания с братом» и некоторыми из своих приятелей. В то же время, еще будучи в Петербурге, А. Пушкин говорил генералу Н. Раевскому, что он поедет на Кавказ к его сыну Николаю, к тому самому, с которым в мае 1820 года побывал на Дону. Правда, теперь сын Н. Раевского являлся не гвардейским ротмистром, а ген.-майором и командиром Нижегородского драгунского полка.

20 марта 1829 года А. Пушкин побывал в доме будущего московского почтдиректора А. Я. Булакова, и, вероятно, в беседе с ним поэт назвал истинные причины своей поездки на Кавказ. Собеседник поэта на другой день после встречи сообщил своему брату, петербургскому почтдиректору К. Булакову, следующее: «Пушкин едет в армию Паскевича узнать все ужасы войны, прослужить волонтером, может, и воспеть это все». Но как бы там ни было, А. Пушкин 1 мая 1829 года выезжает из Москвы на перекладных и покатиет на юг. Вскоре после выезда он отклоняется на 200 верст, и 3 мая в 8 часов утра пушкинская коляска оказалась у ворот дома Алексея Петровича Ермолова. Погостив непродолжительное время в г. Орле у опального генерала, поэт продолжил свое путешествие на юг. Ему «предстоял путь через Курск и Харьков, я, писал затем он в «Путешествии в Арзрум», своротил на прямую Тифлисскую дорогу. Эта дорога есть не что иное, как Московско-Казанский и Задонский тракты, пересекавшие всю землю донских казаков с севера на юг. Так поэт неожиданно вторично посетил наш край.

Путь «на прямую дорогу» был для А. Пушкина весьма извилистым и трудным. Из Орла поэт направился на Елец, находившийся на той самой дороге. В связи с тем, что дороги до Ельца были «ужасны», приходилось делать остановки и объезды. «Несколько раз, — писал А. Пушкин, — коляска моя вязла в грязи... Мне случилось в сутки проезжать не более пятидесяти верст. Наконец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине».

Елец находился примерно в 160 верстах от Орла и в 437 от границ Войска Донского, т. е. путешествующему в весеннюю распутицу поэту до первой донской почты предстояло проехать около 600 верст. В летнее время непоседливый Пушкин мог их легко преодолеть за 5 дней, но по тогдашнему состоянию дороги от Орла до Ельца вышедшие с зимовки лошади могли доставить коляску поэта до Казанской станицы только за 6—7 дней, но не более. В противном случае А. Пушкину затем будет трудно за оставшееся время преодолеть 765 верст от Казанской станицы до Георгиевска, куда он прибудет 15 мая. Правда, в это время года тракт от Казанской ст. до Георгиевска часто находился в хорошем состоянии и скорость езды по нему при определенных обстоятельствах возрастала, и поэтому поэт этот путь мог преодолеть и за более короткое время.

В 1825 году во время своего путешествия на Кавказ станицу Казанскую посетил знакомый А. Пушкина и В. Сухорукова, известный в то время журналист и писатель, издатель «Отечественных записок» в 1818—1823 годах Павел Свиньин. Для этого «почтенного путешественника» В. Сухоруков в «Северном архиве» (1825 г., ч. 17) опубликовал «Записку о достопримечательностях в Донской области». Автор данной «Записки» обращал внимание только на те «предметы, кои наиболее могут занять внимание путешествующего по стране, обитаемой народом, которого начало, характер, дух, простой образ жизни — все любопытно и оригинально». Первую казачью станицу, лежащую на левом берегу Дона, В. Сухоруков для всех путешествующих по Казанскому тракту, представил в таком виде: «Переехав границу, отделяющую нашу область от Воронежской губернии, вы вступите в казачью станицу Казанскую. На первом шагу вы увидите отличие казачьей жизни: на улицах и в домах — чистота, в людях — деятельность, самодовольство. Если, правда, что при первом взгляде на новый предмет мы схватываем с него черты самые разительные, то я желал бы, чтоб вы проехали Казанскую станицу в праздничный день: вы увидите бы тогда нашу патриархальную жизнь в большем ее развитии.

Может быть, Казанская станица, как первое на пути вашем казачье жилище, родит в вас любопытство знать время ее построения. Я не могу определить его с точностью; и тщетно станете вы отыскивать о том преданий или писмен в народе. Около 1630 года, в современных актах упоминается на сем месте Казанский перевоз. Думаю, что в то время, или, по крайней мере, прежде того, были здесь и Зимовья казачьи: ибо первые казачьи городки, в 1550, 1551 годах, начались около устья реки Вороны; следовательно, выше Казанского перевоза. Но как бы то ни было, а в 1672 году Казанская станица еще не существовала, что видим из росписи атамана нашего, Фрола Минаева, поданной тогда от него Посольскому Приказу. В одной наименован самый верхний по Дону городок Мигулины... В актах 1690 года упоминается Казанский городок и еще выше одного три. Название сей станице дано по реке Казанке. Любопытного здесь, кроме самой станицы и ее жителей, наименоую: церковь, доказывающую теплую набожность моих земляков; станичное правление с его знаменами; окрестное местоположение и — стерлядей, кои летом так много здесь, и так дешево они, как у вас в Петербурге зимой корюшка».

«Прямая дорога из Казанской станицы в Новочеркасск, — писал далее В. Сухоруков, — идет степью; здесь на пространстве 270 верст, встретится вам только одна станица Каменская. Впрочем, дорога сия не так скучна: наблюдающего путешественника займет новая природа, часто красивые местоположения и еще чаще рассеянные хутора казаков и чиновников, равно села и деревни сих последних».

Путь от Казанской станицы в Каменскую расстоянием в 178 верст путешествующие преодолевали менее чем за два дня. Так, князь И. А. Безбородко 8 июня 1812 года из Казанской станицы паромом переправился на правую сторону Дона (переправа занимала много времени) и в Каменскую станицу прибыл вечером 10 июня. Но князь ехал «на долгих», и поэтому ему потребовалось целых два дня.

«Каменская станица, — писал В. Сухоруков, — располагалась на правой стороне Дона, на месте, покотном к реке; улицы в ней правильные, местоположение красивое, большая часть домов изрядно устроены и имеют хороший вид; есть даже красивые дома, а особенно у чиновников. С левой стороны на правую перенесена в 1816 году: на прежнем месте она была затопляема весеннею водою. Станица сия есть наилучшая в Донецком округе». В станице имелись каменная церковь, приходское училище и около 600 частных деревянных домов. Таковой выглядела Каменская станица на новом месте. А. Пушкин прибыл в эту станицу около 10 мая 1829 года, к сожалению, более точный день прибытия поэта в станицу установить пока не представляется возможным.

Каменская станица находилась в 105 верстах от Новочеркаска. Обычно едущие останавливались в этой станице для закупки продовольствия и на ночлег, дабы утром следующего дня выехать из станицы и к вечеру прибыть в Новочеркасск. Не будем гадать, как поступил путешествующий поэт, ибо достоверно только одно, что, отправляясь из Каменской станицы, А. Пушкин в донскую столицу на этот раз въедет по Московской дороге.

Прежде чем въехать в город, А. Пушкин непременно заедет на Новочеркасскую почтовую станцию, не исключено, что он там и заночует. Станция находилась за рекою Тузловым на Казанском почтовом тракте, в 4 верстах от города; ее стоимость в 1824 году была определена в 1 287 руб. 05 коп. Чтобы со станции попасть в город, следовало переправиться через Тузловский мост. В «Ведомости войсковым строениям» этот мост значится так: «Фашинный мост через Тузлов с дамбою и воротами, требовавший чуть ли не ежегодной поддержки». Его стоимость была определена в 17625 руб., без учета ежегодных затрат на ремонт. Почти сразу же за дамбой начинался крутой подъем в город. Этот подъем в 1841 году нарекут С.-Петербургским проспектом, а ныне он именуется спуском Герцена.

А. Пушкин, поднявшись по проспекту примерно на треть, оказался у массивных каменных Триумфальных городских ворот (стоимость двух городских ворот была определена в 138 105 руб. 45 коп.). Точно такие ворота поэт видел в 1820 году, когда въезжал в город по Платовскому проспекту. К сожалению, А. Пушкин не оставил никаких замечаний ни об этих воротах, ни о Новочеркасске, и поэтому мы не знаем, каким он увидел город в мае 1829 года. Но такие замечания сделал знакомый А. Пушкина и В. Сухорукова

Дмитрий Елисеевич Зубарев, сотрудник «Вестника Европы» и «Тифлисских ведомостей». В мае 1828 года он выехал из Москвы и по дороге в Тифлис проехал теми же местами, что и А. Пушкин, год спустя. «Дорога землею Донского Войска, — писал Д. Зубарев в очерке «Поездка из Москвы за Кавказ», — самая несносная. Причиною сему жар, недостаток хорошей воды и худая пища на постоянных дворах, где, кроме каймака, или топленого молока, ничего отыскать было невозможно, тем более что во время проезда моего сею землею был Петровский пост, притом же все жители занимались полевными работами; но все сии неудобства ничто в сравнении с неприятностями, получаемыми от станционных смотрителей и почтосодержателей, которые своими грубостями заставляют каждого незнатного проезжего раскаиваться в своем путешествии. Притеснения на станциях тем более ощутительны, что от Воронежа до Екатеринограда весьма редко встречаешь смотрителей; большую же частью на станциях заступают место их почтосодержатели, неграмотные ямщики, которые не внимают ни словесным, ни письменным убеждениям, а делают задержки и притеснения проезжим до тех пор, пока они не согласятся заплатить двойных или тройных прогонов. Наконец после множества неприятностей доехал я до Новочеркаска. Город сей стоит на высоком месте, при реках Аксае и Тузлове. Выстроен он беспорядочно... Богатые донские помещики имеют дома свои не в городе, а в окрестностях оного. Дома в самом городе большею частью деревянные, с балконами, или, лучше сказать, с крытыми галереями, обращенными преимущественно во двор. При въезде и выезде из города находятся триумфальные каменные ворота одинакового вида со следующими надписями с одной стороны: при А. г. М. Платове, 1817 года; с другой стороны:

*Объемлемы восторгом, радостью сердца,
Спешат во сретенье Монарха и Отца,
Се Александр, днесь туже благость нам явил,
Чем в первый раз Великий Петр нас озарил.*

...План оных сочинял, равно как резьбу и статуи делал крепостной человек графа Платова Василий Куликов».

Осмотрев Триумфальные ворота и вспомнив славные подвиги донских казаков в 1812 году во главе с их атаманом, А. Пушкин направился далее в город. Поэт спешил, так как стремился попасть в деревянное войсковое здание стоимостью 2529 руб. 45 коп., находившееся на углу Платовского проспекта и Почтовой улицы. У поэта была слишком веская причина спешить в это здание.

В конце апреля 1829 года А. Пушкин посредством графа Ф. И. Толстого сделал предложение Наталье Гончаровой, на что получил весьма обтекаемый ответ. 1 мая 1829 года, т. е. в день своего отъезда на Кавказ, поэт сообщил Наталье Николаевне: «...Я сейчас уезжаю и в глубине своей души уволю образ небесного существа, обязанного вам жизнью. Если у вас есть для меня какие-либо приказания, благоволите обратиться к графу Толстому, он передаст их мне». Из Тифлиса А. Пушкин, терзаемый неизвестностью, этому самому Толстому сообщил: «Сейчас узнаю, что было здесь на мое имя письмо, полагаю, любезный граф, что от тебя. Крайне жалею, что оно уже отправлено в действующий отряд, куда еще я не так легко и не так скоро попаду, — делать

ничего». Письмо от графа А. Пушкин ожидал еще в Новочеркасске, поэтому он и спешил в дом, находившийся на углу Платовского проспекта и Почтовой улицы. В доме этом располагалась войсковая почтовая контора.

А. Пушкин прибыл в Новочеркасск в такое время года, когда в город прибывало особенно много едущих на Кавказ офицеров и больных на Воды. При этом некоторые из них ехали на собственных лошадях. Для отдыха и пополнения продовольствия едущие оставляли свои повозки на почтовой станции. В этой ситуации нередко происходили неожиданные встречи и знакомства. Так произошло и с А. Пушкиным. В Новочеркасске он встретился с бывшим членом «Северного общества» декабристом капитаном лейб-гвардии Измайловского полка графом В. А. Мусиным-Пушкиным, сыном того самого А. Мусина-Пушкина, который известен всем нам как первооткрыватель знаменитого «Слова о Полку Игореве». За принадлежность к тайному обществу он 7 июля 1826 года был переведен тем же чином в Петровский пехотный полк, а в феврале 1829 года — в Тифлиссский пехотный полк. 4 мая 1829 года он женился на известной красавице Эмили Шерваль фон Валлен, после чего отправился на Кавказ в назначенный полк. При следовании в полк граф и встретился с поэтом в донской столице.

Встреча А. Пушкина с опальным графом в Новочеркасске изменила умное путешествие поэта по воронежским и донским равнинам. В «Путешествии в Арзрум» относительно этой встречи поэт писал: «В Новочеркаске нашел я графа Пушкина, ехавшего также в Тифлис, и мы согласились путешествовать вместе», (В черновике: «Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка: мы ее прозвали **Отрадною**. В северной ее части хранятся вина и съестные припасы; в южной — книги, мундиры, шляпы, etc, etc. С западной и восточной сторон она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станции выгружается часть северных запасов, и таким образом мы проводим время как нельзя лучше»).

Из Новочеркаска поэт Пушкин и граф Мусин-Пушкин поехали по Задонью, которое поэт уже однажды пересекал в обществе Раевских. Почти на всем своем протяжении Задонский тракт проходил параллельно условной границе кочевью донских калмыков, и повсюду можно было встретить их многочисленные конские табуны и белые кибитки. Пушкин и Раевские не могли не встретиться с калмыками в их проезд по этой дороге в 1820 году, но пушкинские «замечания на черноморских и донских казаков» не сохранились, а Н. Раевский в «журнальных» записках высказал только общее восхищение положительными изменениями, увиденными им по всему Задонью. Этим самым донская история лишилась важных страниц о казаках-калмыках.

Немногим менее чем через год после отъезда А. Пушкина и Раевских из Новочеркаска в 1820 году на Дону решили, что надо бы написать свою собственную историю, в том числе и казаков-калмыков. Непосредственно собиране материала и написание истории и статистики казаков-калмыков поручили помощнику В. Сухорукова Алексею Кушнареву. В 1824 году в «Северном архиве» (№ 6. Ч. 9) он опубликовал статью под названием: «Исторические сведения о калмыках, кочующих на Земле войска Донского»,

а несколько позже книгу «Исторические и статистические сведения о калмыках, состоящих в Войске Донском». Ввиду отсутствия у нас интереса к своей собственной истории и неуважения к предкам эта уникальная книга так и осталась в рукописи. Приведем из этой книги только небольшие выдержки, описывающие «наружность калмыков» и «устройство калмыцких жилищ», которые дополняют кратко замечания А. Пушкина о калмыках.

«Здесьние калмыки, — писал А. Кушнарев, — вообще росту среднего и все телом смуглы, вероятно, сколько по природе своей, столько и оттого, что малых детей держат в знойное летнее время нагими, да и все мужчины ходят тогда почти полунагими. Впрочем, из богатых молодых женщин есть нежны и белолицы. Телом крепки, сильны, но вообще сухощавы; есть, однако ж, между ними много и толстых, как мужчины, так и женщины стан имеют не совсем стройный, и почти все с кривыми носами. Происходят от монгольского племени, они, за всеми превратностями и смещениями, претерпенными ими со времени отхождения их от стран Татарии, удерживают форму первородной своей физиономии, вообще круглолицы, с большими выдавшимися скулами, узкоглазы и плосконосы, с большими отпорившимися ушами, с черными жесткими волосами на голове. Много между ними находится таких, кои имеют продолговатые лица, длинный и горбатый нос, даже встречаются с русыми волосами.

Служилые калмыки носят на голове волосы по казацкому обыкновению, обстригая их кружком, отставные же стригут голову спереди и с боков, а сзади оставляют волосы заплетенными в косу. Некоторые имеют редковолосую бороду, а особенно отставные, служилые бреют оную; но все вообще носят усы, висящие на концах верхней губы...».

А. Кушнарев дал и подробное описание калмыцких кибиток. «Калмыки, — писал он, — как летом, так и зимою, живут в войлочных кибитках, составляющих их дома, имеющие все удобства к помещению целой, нередко довольно большой семьи. Устройство кибитки очень просто. Решетки из палок составляют основу оных; таковых решеток бывает, по большей части, в каждой кибитке — шесть. К ним решеткам прикрепляют другие деревянные палки (унимы), направляя оные вверх, в наклонном положении (для составления крыши у кибитки); верхние концы сих палок, которых бывает до 75, утверждаются в деревянный круг, составляющий верх кибитки. Вся сию основу покрывают полстями. Бока решеток снаружи, кроме полстей, обставляют чаканами, или циновками, делаемыми из чакана (рогозы). Крыша сия прикрепляется к кибитке шерстяными веревками или тесьмами... Один калмык может в час времени устроить и разобрать свой дом или кибитку. Такое устройство кибиток весьма облегчает перенос их с одного места на другое; для чего употребляют они лошадей, верблюдов, волов и даже коров; на сих животных (без воев) вычат просто всю тяжесть своего скарба. С некоторого времени начали употреблять они для перевозов обыкновенные повозки».

А. Пушкин, проезжая по калмыцкому кочевью и увидев неподалеку от станционной хаты кибитки, ради любопытства решил заглянуть в одну из них. «На днях, — записал затем поэт в своих путевых записках, — посетил я калмыцкую кибитку (плетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось за-

трахать. Котел зарился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. «Как тебя зовут?» — «Сколько тебе лет?» — «Десять и восемь». — «Что ты шьешь?» — «Портка». — «Кому?» — «Себя». (В черновике: «Поцелуй меня». — «Неможно, стыдно»).

Вероятнее всего, А. Пушкину не было известно о существовании у калмыков строгой морали, и поэтому он предпринял попытку поцеловать калмычку, однако дочь степей, «не лепетавшая по-французски», отклонила домогательства. По этому случаю А. Пушкин в путевых наблюдениях записал: «Но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по голове, мусикийским орудием, подобным нашей балалайке. Калмыцкая любовь мне недоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое, вероятно, никогда до нее не дойдет». Послание «Калмычке» начинается словами: «Прощай, любезная калмычка!».

Спустя некоторое время после «поспешного» расставания с калмычкой, поэт покинул пределы земли донских казаков и вступил в пределы Кавказской области. Впереди его ожидали радостные встречи с братом и товарищами.

* * *

Возвращение А. Пушкина с Закавказья и его вынужденная задержка в Новочеркасске связаны для поэта с некоторыми для него неприятными эпизодами и появлением в связи с этим различного рода легенд, имеющих продолжение и в наши дни. Прологом к этим событиям послужила страсть А. Пушкина к карточной игре. При его отъезде из Грузии ген.-майор Н. Раевский на путевые издержки дал поэту 1 000 червонцев. В Пятигорске А. Пушкин эти деньги, по выражению М. И. Пущина, «продул до копейки». В довершение ко всему там же А. Пушкин познакомился с сарапульским городничим В. А. Дуровым, который постоянно забавлял поэта рассказами из своих приключений. Произошло это накануне отъезда их в Москву.

8 сентября 1829 года в Пятигорске А. Пушкин взял «открытый лист» на получение от казачьих постов по тракту от Пятигорска до Георгиевска в конвой себе вооруженных казаков. Пушкин и Дуров ехать до Москвы условились вместе, «но ни у того, ни у другого не было денег на дорогу. Я, — писал М. Пущин, — снабдил ими Пушкина на путевые издержки. Дуров приютился к нему». (Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М.: ГИХЛ, 1956. Прилож. С. 370).

Около 13 сентября 1829 года А. Пушкин и приютившийся к нему В. Дуров из Аксайской станицы прибыли в донскую столицу. О пребывании в ней поэта не выявлено каких-либо достоверных сведений. В 1868 году в «Донском вестнике» (№ 33 от 22 августа), издаваемом известным общественным деятелем, краеведом Алексеем Карасевым, появилась анонимная статья «Пушкин в Новочеркасске», в которой излагались различные предания о пребывании поэта в городе. Предания эти лишены какой-либо документальной основы, а некоторые изложены в анекдотической форме. А. Карасев 19 февраля 1900 года «в собрании членов Союза пи-

сателей поделился своими литературными воспоминаниями из эпохи Пушкина и Лермонтова», при этом некоторые эпизоды о пребывании Пушкина в Новочеркасске в 1829 году и изложенные в «Донском вестнике», назвал анекдотами. (Крымский вестник. 1900. № 57). Эти эпизоды получили широкое хождение в краеведческой литературе и почти ежегодно публикуются в донской периодике. Российским писателям донской публицист рассказывал анекдот такого содержания: «Однажды поэт очутился проездом в Новочеркасске. Дьяки канцелярии наказного атамана Донской области, услышав о проезде знаменитого поэта, отправились к нему в гостиницу, где весьма трогательно выразили ему чувства своего уважения и свое поклонение его таланту.

— А что это значит — дьяки? — спросил Пушкин одного из них, который, будучи заикой, считался почему-то в канцелярии оратором.

— Дьяки — это секретари канцелярии, — ответил тот.

— Ну хоть я и терпеть не могу приказных, но все-таки очень вам благодарен, господа».

Таковой ответ сильно оскорбил почитателей поэта, а местным острякам дал повод постоянно приставать к злополучным дьякам с вопросом: «Давно ли вы были у Пушкина?».

Среди этих дьяков мог находиться и почти 17-летний казак (14.IV.1829 г. произведен в урядники) А. П. Чеботарев, находившийся в то время в Войсковой канцелярии в Войсковой экспедиции у исправления письменных дел». В урядники его произвели «за отлично-усердную службу».

Известный донской публицист Н. И. Краснов в примечаниях к публикации «Записок» А. Чеботарева отмечал, что некогда «Адам Петрович беседовал с Пушкиным». (Военный сборник. 1884. № 2. С. 323). Факт встречи А. Чеботарева с поэтом в Новочеркасске отмечает в своих воспоминаниях и В. Ф. Чижов. Л. Черейский, опубликовавший в 1962 году воспоминания В. Чижова, на этом основании включил генерала (правильнее было бы — казака) А. Чеботарева в окружение поэта. По утверждению В. Чижова, А. Пушкин экспромтом прочел «еще очень юному» казаку А. Чеботареву только что написанное им стихотворение «Дон».

В деле встречи юного казака с А. Пушкиным в Новочеркасске вызывает некоторое удивление тот факт, что о ней пишут знакомые писаря, а не он сам, оставивший после себя обширные записки о прожитом. В неопубликованной их части, посвященной периоду с 1818-го по 1830 год, нет и малейшего намека об этой встрече. Уже будучи в штаб-офицерских чинах А. Чеботарев в периодике того времени опубликовал немало очерков, в которых имел возможность не один раз упомянуть и о встрече с поэтом в 1829 году, но ни разу этого не сделал. Вероятно, современникам было ведомо, что таковой встречи не было. Полагаю, что казак А. Чеботарев никогда и не встречался с поэтом А. Пушкиным. Появление в донской прессе сведений о встрече дьяков атаманской канцелярии с поэтом навело генерала на мысль в их число причислить и себя, слышавшего «поэтом в душе». Вероятно, что для причисления писаря А. Чеботарева в окружение поэта нужны более достоверные сведения.

И еще об одном эпизоде из этой же анонимной статьи, опубликованной в газете А. Карасева, эпизоде, который получил не-

ожиданное продолжение спустя более 150 лет, и который еще и сейчас будоражит пушкинистов. В статье отмечается, что во время своего проезда на Кавказ в 1829 году Пушкин, достигнув Новочеркасска, остался без денег. Поэт «пытался обратиться к тогдашней нашей аристократии с просьбой ссудить его деньгами на дорогу. Но так как даже именитые люди того времени не следили за отечественною литературою, по всей вероятности, не придавали и главным ее представителям равно никакого значения, то просьба поэта осталась без дальнейших последствий, и он в отчаянии начал писать к своим знакомым в Петербург и Москву с мольбою выручить из беды. Но когда получаются ответы? Почты в то время не спешили. В таком положении Пушкин хандрил... Говорят, что купец Сербинов дал поэту 500 рублей, с которыми он и поспешил выехать из Новочеркасска». На Дону и сейчас живут потомки торговых казаков Сербиновых, и они гордятся, что один из их предков оказал услугу самому Александру Сергеевичу. Кстати, Сербиновы в то время обладали значительными капиталами и вполне могли спонсировать бедного поэта.

За десять лет до появления публикации в «Донском вестнике» о пребывании А. Пушкина в Новочеркасске декабрист М. И. Пущин написал цитируемые выше воспоминания о своих встречах с Пушкиным за Кавказом. В 1893 году Л. Н. Майков в «Русском вестнике» (№ 9) опубликовал воспоминания М. Пущина, в которых говорилось, что в 1829 году в Новочеркасске поэт кредитовало другое лицо — безымянный «наказного атамана». Вот как это представлено в самих воспоминаниях: «Из Новочеркасска Пушкин мне писал, что Дуров оказался *chevalier d'industrie* (проходимцем), выиграл у него пять тысяч рублей, которые Пушкин достал у наказного атамана, и заплативши Дурову, в Новочеркасске с ним разъехался, поскакал один в Москву...». (Пущин М. И. Встречи с Пушкиным за Кавказом. В кн.: Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 370).

Знатокам пушкинской эпохи не представляло труда назвать имя наказного атамана, тем более, что для этого имелось множество способов. Автор книги «Пушкин и его окружение» Л. Черейский пошел таким путем: из цитируемых выше воспоминаний декабриста М. И. Пущина, опубликованных в качестве приложений в книге брата Н. И. Пущина, он определил, что А. Пушкин проиграл В. Дурову 5 тыс. рублей, взятые им в Новочеркасске у наказного атамана. Имя же человека, занимавшего эту должность в 1829 году, Л. Черейский было определено с помощью книги «Столетие Военного министерства» (Спб., 1912. Т. XI. Ч. 2), посвященной Главному управлению казачьих войск этого министерства. Этим человеком оказался участник многих войн, герой 1812 года и zahraniчных походов Д. Е. Кутейников. Естественно, вскоре после того как книга Л. Черейского достигла пределов Дона, нашелся потомок двух родов — Д. Кутейникова и П. И. Багратиона. И не просто потомок двух славных родов, но наследник и хранитель ранее никому неизвестного пушкинского архива, или архива всего русского в России, им оказался скромный житель города Таганрога И. Рыбкин.

И. М. Рыбкин: «Пушкин занимался большой научной работой, но он не мог оставить свои труды людям, относившимся к нему враждебно. Когда встал вопрос, как сохранить научные работы,

Пушкин решил привезти их к Кутейникову. Дмитрий Ефимович — один из величайших патриотов России, был в то время наказным атаманом Войска Донского. С Пушкиными они встречались при дворе Кутейников... знал его с детства, через Раевских.

В 1829 году Пушкин закончил свой труд. За ним следили, ему не разрешали покидать столицу. И он самовольно едет на Кавказ. Чтобы замести следы, Пушкин поехал на юг, по старому тракту — на Старочеркасск. Затем ночью на верховых лошадях он прискакал в Новочеркасск, где в то время находился Кутейников, проговорил с ним всю ночь... Осенью Пушкин возвращался назад и снова заехал к Кутейникову, который дал ему 5 тысяч рублей золотом безвозвратно». Тогда-то А. Пушкин «свои материалы» и передал атаману на хранение и «был принят в сословие донского казачества Таганрогского округа». (Рыбкин И. М. Слово хранителю архива // МИГ. 1993. № 2. С. 2; Его же. Монолог хранителя // Там же. С. 35—36). По словам Рыбкина, все годы архив Пушкина хранили потомки Д. Кутейникова, передавая его из поколения в поколение. Он же, Рыбкин, является последним хранителем архива.

Молва о неизвестном архиве А. Пушкина быстро распространялась тогда еще по необъятной стране, и со всех ее концов потянулись в Таганрог паломники лицезреть чудо. Некоторые знакомые краеведы, зная мой давний интерес к проблеме «Пушкин и Дон», убеждали меня совершить паломничество в град на Таганьом Рогу. Краеведы опасались, что архив навсегда покинет донские пределы, и просили посодействовать его передаче в Новочеркасск, в музей истории донского казачества. Но в чудеса я не верил. Не верил по многим причинам.

1. В 1829 году в земле донских казаков здравствовали четыре атамана, по военным заслугам ни чем не уступающие друг другу: действующий (с 7.VI. 1827 г.) войсковой наказный атаман Дмитрий Кутейников, его предшественник Алексей Васильевич Иловайский (в 1821-м — нач. 1823-го — наказной, а с 23.IV.1823 — войсковой атаман) и Андриан Карпович Денисов (в 1807, 1812—1815 гг. — наказной, а в 1818—1821 гг. — войсковой атаман); последние два атамана были отстранены от атаманства по проискам ген.-адъютанта А. И. Чернышева за их непокорность. На Дону пребывал и Н. В. Иловайский 5-й, в 1815, 1816 и 1818 годах исполнявший атаманскую должность, т. е. являлся наказным атаманом.

Так кто же из названных атаманов мог одолжить А. Пушкину деньги? Да любой из них. Однако, вероятнее всего, это мог сделать Андриан Денисов. Этот прославленный воин участвовал во многих боях и походах, человек честный и самолюбивый, он никому и никогда не кланялся, в том числе и всесильным фаворитам. По настоянию А. Чернышева, он был отстранен от должности высочайшим указом от 27 января 1821 года и с тех пор в одиночестве проживал в слободе Анастасиевка, Миусского округа, и писал мемуары. Это его памятник самому себе. Поэт знал А. Денисова, ранее бывал у него дома. Естественно, к нему он в первую очередь и мог обратиться за помощью, если тот, конечно, в середине сентября 1829 года находился в Новочеркасске.

После отстранения от должности А. Денисова А. Чернышев рекомендовал императору на атаманскую должность назначить Алексея Иловайского 3-го, при этом охарактеризовал его как одного из самых достойных генералов в Войске. По его же рекомендации,

А. Иловайский был отстранен от должности и предан суду. Когда же не смогли доказать его вину, то мстительные и честолюбивые начальники Главного штаба И. Дибич и А. Чернышев больного и престарелого героя, по его словам, стали «изнурять переездами»: вначале бывшего атамана отправили в Могилев «для осуждения при Главной квартире 1-й армии» (ранее Дибич был ее начальником штаба), затем в Калугу, Киев, Тулу и т. д. Позже атаман был оправдан, но он прошел через неопишемые унижения и оскорбления.

А. Иловайский был дружен с В. Сухоруковым, они одновременно и пострадали от А. Чернышева. А. Пушкин встречался с сыном В. Сухоруковым в Закавказье и, по его просьбе, мог в Новочеркасске встретиться с бывшим атаманом, одолжить у него деньги и передать письма от сына, находившегося в Закавказье.

Когда А. Иловайский был отстранен от атаманства, А. Чернышев при подборе человека на эту должность стал действовать более осмотрительно. Его выбор пал на Д. Кутейникова, того самого, который 1 октября 1787 года раненому А. Суворову в сражении под Кинбурном «обмыл рану и рубаху морскою водою и перевязал своим галстуком». Непобедимый на полях сражений генерал Д. Кутейников, к сожалению, оказался не способным к административной работе в очень сложный период донской истории и стал слепым исполнителем воли и честолюбивых устремлений А. Чернышева. Кроме того, отважный генерал, по словам опекавшего его сенатора В. И. Болгарского, «по несчастию... совершенно подчинился супруге своей, а она величайшая интриганка...». (Русская старина. 1875. № 5. С. 51). Во всех вопросах атаман проявлял полное безволие, и за него все решали его супруга и приставленные к нему А. Чернышевым опекуны. Одним словом, административная деятельность не являлась стихией Д. Кутейникова, он был рожден действовать на поле брани.

23 октября 1843 года Д. Кутейников, будучи тяжелобольным, составил духовное завещание. Наследниками своего весьма приличного состояния он назначил детей своего умершего брата — ген.-майора Степана Степановича. Дмитрий Ефимович умер 5 ноября 1844 года, после чего за атаманское наследство перессорились все его наследники, а затем и их дети. Завещатель полагал, что так и произойдет, и поэтому завещание было весьма пространным и в соответствии с практикой того времени было расписано все его имущество с конкретным указанием, кому и что завещано. Кроме того, Д. Кутейников в завещании включил пункт, по которому недовольные этим завещанием наследники, если они возбудят против кого спор по суду, лишаются наследства в пользу довольных. Однако пункт этот не умерил алчность наследников, и им было не до каких-то научных работ неведомого им Пушкина, когда из их рук ускользали реальные ценности. В Ростовском госархиве имеется дело «По прошению вдовы генерала Кутейникова о пересмотре духовного завещания генерала Кутейникова... (1844—1852)». В этом весьма обширном деле нет и следов ни на одну книгу, которая бы хранилась в доме атамана в Новочеркасске или же в его имениях, а если имелась хотя бы одна, то она непременно всплыла бы в этой семейной драчке. Можно привести немало и других данных, свидетельствующих о том, что не было у атамана пушкинского архива в силу его характера, но приводить их — значит

обливать грязью прославленного генерала в год 185-летней годовщины великой эпопеи 1812 года. Не для этого он в течение многих лет рисковал жизнью на полях брани, чтобы неблагодарное пошествование изымалось над его памятью. Мир праху твоему, герой.

2. Фундамент всей версии И. Рыбкина о пушкинском архиве и о своей принадлежности к роду Кутейникова и ...П. Багратиона был заложен на том обстоятельстве, что Д. Кутейников являлся тем самым «наказным атаманом», которому поэт специально привез свой научный архив и безвозвратно получил от него 5000 руб. золотом. Ну а что, если А. Пушкин одолжил деньги у купца Сербина или же «наказной атаман» и наказной атаман Д. Кутейников не одно и то же лицо? В этом случае рыбкинская версия теряет всякий здравый смысл и становится обычной авантюрой. Что же касается Д. Кутейникова, то он действительно не являлся тем самым «наказным атаманом», у которого А. Пушкин достал 5 тыс. рублей. Об этом поведал не кто иной, как сам Михаил Пушкин.

В 1884 году в «Русской старине» было опубликовано несколько сообщений под общим названием «Декабристы на Кавказе». Здесь же были опубликованы мемуары М. Пущина по рукописи, принадлежавшей декабристу барону А. Е. Розену, под заглавием: «Рассказ Михаила Пущина». В «Рассказе» эпизод с атаманскими деньгами мемуаристом изложен иначе, чем в его же «Встрече с Пушкиным за Кавказом». Изложен он в таком виде: «Поздно осенью Пушкин с Дуровым уехал в Москву, и, конечно, Дуров дорожкою так его обчистил, что Пушкин должен был в Новочеркасске у атамана Иловайского занять деньги, чтобы с ним расплатиться» (Русская старина. 1884. № 2. С. 236).

Мемуары М. Пущина в редакции, где указывалось имя атамана А. Иловайского, публиковались и позже, в том числе и в книге В. В. Вересаева «Пушкин в жизни», но они, вероятно, не были известны ни Л. Черейскому, ни И. Рыбкину, в противном случае, рыбкинская версия могла бы и не появиться. Но тогда непременно бы появилась другая.

Однажды в редакции «Донских войсковых ведомостей» мне случайно пришлось принять участие в споре о проблемах этой газеты. Мною было предложено опубликовать материалы о пребывании А. Пушкина и М. Лермонтова в Новочеркасске. После завершения бурной дискуссии ко мне обратился аксайский казак и заявил: «Я потомок войскового атамана Алексея Ивановича Иловайского». Лицо аксайского казака было настолько схоже с известным портретом сподвижника Екатерины II, что я несколько не удивился, а только вздрогнул от мысли, что теперь разгорится война потомков славных атаманов за пушкинское научное наследие. Кстати, потомки Иловайских живут в России, США и других странах.

«Рассказ» М. Пущина, по моему твердому убеждению, в полной мере взрывал всю рыбкинскую версию о 5 тыс. рублей и о пушкинском научном наследии. В этой ситуации отпадала необходимость и встречи с ним. Но я поехал. Поехать в Таганрог меня убедила доцент университета, а в прошлом директор Таганрогского краеведческого музея Лидия Тимофеевна Тоценко. Ее успокоила мысль, что архив Пушкина «уплывет» из Таганрога. Лидия Тимофеевна не теряла связей с музеем, хорошо знала мест-

ных краеведов и сама являлась соавтором книги об этом славном городе. К тому же я решил воспользоваться ее связями и прояснить для себя, откуда есть и пошла рыбкинская версия.

Еще до поездки мне удалось установить, что в Таганроге проживал настоящий представитель известного дворянского рода Кузнецовых из станции Семикаракорской Николай Алексеевич Кузнецов. Отец его, Алексей Иванович Кузнецов, являлся внуком племянником героя 1812 года, командира Атаманского полка Михаила Михайловича Кузнецова, и был он женат на внучатой племяннице Д. Кутейникова Софье Ивановне Кутейниковой. Николай Кузнецов, как мне затем сообщила Мария Алексеевна Гудзенко, хорошо знавшая его, проживал с матерью и теткой Екатериной Ивановной. После их смерти по всем хозяйственным делам помощь Николаю Алексеевичу оказывала Ольга Ивановна Тиняева, также из рода Кутейниковых.

Николай Кузнецов, как и его отец, являлся любителем донской старины и большим библиофилом. Его библиотека насчитывала огромное количество книг. Мария Алексеевна говорила, что в кузнецовском доме никогда не шла речь о Пушкине. После смерти Николая Алексеевича в 1966 году срочно потребовалось освободить квартиру, и поэтому книги и документы, по распоряжению упрямдома, стали выбрасывать на улицу и сжигать. В итоге вандализм удалось остановить, и для переписи книг был привлечен знакомый Н. Кузнецова И. Рыбкин. В Ростовскую библиотеку им. К. Маркса им было отправлено от 10 до 20 тыс. томов.

Вероятнее всего, об этих книгах и их владельце никто бы и никогда и не вспомнил, если бы, выражаясь языком И. Рыбкина, в то время не были бы столь суровы законы. Во время поездки нам удалось установить, что, по мнению городских властей, И. Рыбкин обладал «излишним» домовладением, а вернее — флигелем. По этой причине ему было предложено продать излишнюю площадь. Вот тогда-то Иван Макарович и объявил себя представителем рода Кутейниковых, владельцем научного архива Пушкина и организовал пушкинский музей. Содержатель музея любезно предложил нам осмотреть свое детище. На стене на листах бумаги располагались неведомые мне геометрические фигуры и знакомый с детства зеленый дуб с бродящим котом. Здесь же красовалась и родословная, состоящая из двух имен — атамана Д. Кутейникова и Рыбкина, хранителя сокровищ. Явно составитель родословной не был знаком с наукой, именуемой генеалогией. Увиденное обескуражило меня, и я спросил: «А где же А. Пушкин?» Иван Макарович невозмутимо показал на геометрические фигуры, кота, на листок письма на французском языке, при этом он не сказал ни слова. Тогда сказал я, и, вероятно, было сказано что-то лишнее, потому что Лидия Тимофеевна большим пальцем правой руки... Этот жест моей спутницы охладил меня, и тогда я достал родословную Кутейниковых и показал невозмутимому И. Рыбкину. В родословной росписи Софья Ивановна (стоявшая под № 33) и ее муж Алексей Иванович Кузнецов были отпечатаны вразрядку, а Алексей Кузнецов еще и подчеркнут. Естественно, Иван Макарович сразу же заметил отца своего знакомого и его лицо приняло окаменевший вид, и он растерялся. На мою просьбу показать связь рыбкинского рода с кутейниковским хранитель ответил категорическим отказом. Однако вопрос мой он не оставил

без внимания и много лет спустя ответил на него, правда, чисто по-рыбкински.

У Степана Ефимовича, старшего брата Дмитрия Кутейникова, имелись две дочери — Васса и Павла, обе скончавшиеся в юности. Но, по утверждению Рыбкина, они не скончались, и более того: Павла, оказывается, вышла замуж за купца Морозова, деда Рыбкина, и тем самым стала связующим звеном двух родов. Правда, тайна связи рыбкинского рода с Багратионами осталась не раскрытой. «Похоронили» Павлу Степановну по той причине, что замуж ее выдали не за дворянина, а это, по утверждению Рыбкина, запрещалось суровыми законами того времени. Но вернемся к беседе...

После показа родословной росписи Кутейниковых Рыбкину беседа с ним для меня потеряла всякий смысл, но спокойная и уравновешенная Лидия Тимофеевна долго беседовала с еще более спокойным хранителем этой пушкинской тайны. Редкое мое вмешательство в беседу быстро приостанавливалось легким поталкиванием меня моей спутницей. Затем и она потеряла полный интерес к разговору ни о чем — и мы покинули флигельный музей. Еще и сейчас мы вспоминаем хранителя, его музей и спрашиваем друг друга, так кто же А. Пушкину одолжил деньги? Мы знаем, что не Д. Кутейников, а я сомневаюсь и в том, что это сделал Алексей Васильевич Иловайский.

Пребывание А. Пушкина в Новочеркасске в середине сентября 1829 года окутано тайной. Бесспорно только одно, что итогом его пребывания на Дону, стало появление знаменитого стихотворения «Дон».

Свидетельство о регистрации № 318
Мининформпечати РФ.

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов.

*Корректор **С. С. Назарова.***

Сдано в набор 27.02.99. Подписано в печать 15.04.99.
Формат 84×108/32. Печать высокая. Усл. п. л. 13,65.
Усл. кр.-отт. 13,65. Уч.-изд. л. 18,99. Заказ № 420.

Издательство «Молот»,
344007, Ростов-на-Дону, Буденновский, 37.